

Проданик Надежда Владимировна

МЕТАФОРА "КНИГА – ПИЩА" И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ТВОРЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА, П. А. ВЯЗЕМСКОГО И В. А. ЖУКОВСКОГО

В статье рассматривается судьба метафоры "книга – пища" в лирическом и эпистолярном наследии поэтов пушкинского круга. Порой, определяя книгу пищей для ума и души, арзамасцы видят в грубых по стилю и абсурдных по содержанию текстах своего оппонента – Д. И. Хвостова "изнанку" древнерусской метафоры о книге, иронически называют его произведения "слабительным" или "навозом" и оттачивают свой гармонический слог на сатирах и эпиграммах, посвященных хвостовской галиматье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 162-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается судьба метафоры «книга – пища» в лирическом и эпистолярном наследии поэтов пушкинского круга. Порой, определяя книгу пицей для ума и души, арзамасцы видят в грубых по стилю и абсурдных по содержанию текстах своего оппонента – Д. И. Хвостова «изнанку» древнерусской метафоры о книге, иронически называют его произведения «слабительным» или «навозом» и оттачивают свой гармонический слог на сатирах и эпиграммах, посвященных хвостовской галиматье.

Ключевые слова и фразы: история литературы; творчество поэтов пушкинского круга; лирика графомана Д. И. Хвостова; метафора «книга – пища» в древнерусской литературе; судьба метафоры «книга – пища» в лирическом и эпистолярном наследии Вяземского, Жуковского и Пушкина.

Надежда Владимировна Проданик, к. филол. н., доцент

Кафедра литературы и культурологии

Омский государственный педагогический университет

omsk.nadezhda@mail.ru

**МЕТАФОРА «КНИГА – ПИЩА»
И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ТВОРЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ
А. С. ПУШКИНА, П. А. ВЯЗЕМСКОГО И В. А. ЖУКОВСКОГО[©]**

Уже в ранних стихах Пушкин сетовал, что за выражение искренних чувств и вольных мыслей публика склонна осуждать автора, видя в текстах и поругание святынь, и оскорбление личного достоинства:

Беда, кто в свет рожден с чувствительной душой!..
Кто смело просвистал шутивою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на супостата [10, с. 425].

Если дружеские послания были вольны по стилю и остры по языку, то дружеский эпистолярный арзамасцев еще в большей степени, чем другие жанры, допускал «эротизм и непристойности» [13, с. 71]. Вяземский, поясняя свою лексическую неводержанность, ее приступообразный характер, подобный неудержимому пиндарическому славословию, шутиливо писал: «...у меня в голосе... какие-то порывы пиндарическо-го сквернословия. Это от избытка веселости, которая спряталась в чулан неблагопристойности» [Там же]. Однако это была не просто веселая галиматья: эпистолярная неумеренность арзамасцев закономерно рождалась изнутри устойчивой и серьезной культурной традиции, правда, при обстоятельствах, когда серьезность совсем неуместна. Так, письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 7 ноября 1825 года начиналось стихотворными строками:

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю – сию орлом
И болен праздностью поносной...

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позовет
Ко испражнению прежних дней [12, с. 200].

Письмо от 7 ноября 1825 года – лишь одна реплика в большом эпистолярном диалоге, связывавшем Вяземского, Пушкина и Жуковского. Диалог этот был организован несколькими темами: во-первых, «бездарная книга, дурное чтение, вызывающие существенное расстройство желудка» и, во-вторых, «поносная праздность» или, напротив, «творческая натуга» – что и есть «нужда», «справлять» которую поэт идет на Парнас. Перед нами не просто внелитературная бессмыслица, а вполне остроумная игра с известными культурными константами. И дело здесь, на наш взгляд, не только в том, что происходит перевод высоких тем и образов в низкий план: поэт предстает обыкновенным человеком, а творческий акт – его естественно-физиологическим отпращиванием [13, с. 110]; истоки первой темы («текст, вызывающий расстройство желудка») скрыты в истории культуры, в частности, в одной известной метафоре о книге.

Предпринимая экскурс, необходимый для прояснения темы, напомним: «Арзамас», родившийся в споре с «Беседой», одновременно оказался и в споре со «старым слогом» русского языка и – шире – с миром древнерусской культуры. В древнерусской литературе метафорика, посвященная книге, очень разнообразна – в «Повести временных лет» процесс создания книги сопоставляют с *окультуриванием, возделыванием* земли русской и людских сердец, книга предстает *пищей*, насыщающей духовно голодных: «...премудрый князь Ярослав... <заложил> монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская... расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы... и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение приемная книжное» [3, с. 193, 195]. Книжная мудрость видится *живительной влагой* в масштабах жизни Вселенной и в человеческой судьбе: «Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания» [Там же, с. 195].

Метафора «книга – пища» прочитывается иногда сразу в заглавии древнерусского текста: вспомним, к примеру, «Обед душевный» Симеона Полоцкого или «Брашно духовное» инока Фикары Святогорца, означая тем самым, что без книги и чтения нет духовного становления и взросления. Житийная литература акцентирует особую необходимость вчитывания в сакральный текст: автор и читатель предстают трудолюбивыми пчелами, избирательно относящимися к книжному содержанию. Вот как описывается процесс духовного становления святого Авраамия Смоленского: «Изучая и вдумываясь в святые боговдохновенные книги... он читал днем и ночью, непрерывно молясь Богу, и совершая поклоны, и просвещая свою душу и помыслы. И он кормился словом Божиим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая, и готовящая себе сладкую пищу; так и он выбирал все из всех книг и переписывал кое-что своей рукой...» [4, с. 35]. В «Молении Даниила Заточника» автор тоже говорит о «собирательном» характере своего творчества: «Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела – припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские» [8, с. 399]. Мудрость древнерусского автора, его словесное мастерство рождаются из кропотливого чтения и концентрации книжной мудрости, иначе говоря, автор «Моления» – это, прежде всего, труженик, и авторство его, как и у читателя, имеет ученический характер. Как видим, два процесса – просвещение и путь к святости – виделись взаимозависимыми, понимание оказывалось сродни избирательному вкушению пищи, а текст требовал вдумчивого, долгого погружения в смысловую питательную субстанцию, благодаря которой и происходило духовное взросление автора-труженика и читателя-переписчика.

Далее из древнерусских текстов, бесконечно варьируясь и уточняясь, метафора «книга – пища» перейдет в отечественную литературу. Вспомнит эту метафору и Пушкин, в «Разговоре книгопродавца с поэтом» текст окажется пищей для разного рода читающей публики:

...Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра... [10, с. 234].

В устах продавца данная метафора звучит, конечно, несколько иронически: за всем этим стоит торговоматериальная выгода, но все же, как видим, в пору заката романтической культуры книгу ждут как пищу для душевных переживаний и даже как питательную среду для начала литературно-критической полемики. Знакома метафора «книга – пища» будет и друзьям Пушкина: процитированное в начале нашей статьи стихотворение Пушкина является ответом на письмо Вяземского, где последний, горя желанием увидеть хоть отрывок из трагедии «Борис Годунов», просит: «Не дашь ли мне прочесть своего Бориса? брюхом хочется!» [9, с. 238]. Но все это касается результатов вдохновенного труда, пиитического остроумия и работы над гармонией стиля, а если перед читателем окажется книга графомана Д. И. Хвостова, текст, «гениальный» по бездарности и тяжеловесный по стилю, то воздействие стихотворной пищи на читательский организм окажется ровно обратное: не произойдет духовного роста, и у читателя случится *расстройство желудка* (напоминание о Хвостове, скажет Пушкин, «дух мой снова позывает / Ко испражнению прежних дней»). Пушкинские строки звучат в унисон с лукавыми «испражнениями» Вяземского, стихи которого написаны в том же остроумно-вольном духе:

«Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостыжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз!
Ум хорошо, а два так лучше,
Зад хорошо, а три так гуще,
И к славе тянется наш воз.

На меня коляска имеет действие настоящего судна сухопутного и морского: в дороге меня рвет и слабит Хвостовым. – Это уже так заведено. Вот испражнение моей последней поездки» [Там же].

О чем ведут речь поэты? Как видно из переписки Вяземского и Пушкина, «испражнениями», «навозом» на их языке называются стихи Хвостова, собственные поэтические невинные безделки и даже свои серьезные тексты. Хвостовская галиматья воспринимается как творческий вызов, на который непременно надо ответить, а бездарные тексты – род поэтического слабительного, усиливающего «производительную силу» поэтов. Все эти остроумные рассуждения по духу родом из «Арзамаса», где на заседаниях обыгрывается творческо-желудочно-фекальная тема; к примеру, Жуковский-Светлана в речи о Хвостове скажет: «Беседа покоилась в карманном гробе, взятом заимобразно из-под домашней чернилницы; прочие члены сидели в немом ожидании... Как важный гусь подступал я к месту президентскому... и голосом приятным... произнес я роковую клятву... потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных.

Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника, одного графа, одного скотолоуба, Дмитрия, но не Донского, а Кубрского, сего лирического затейника, сего вольного каменщика бессмыслицы, привилегированного фабриканта галиматии...» [2, с. 102]. Поскольку на плечах у беседчиков, в том числе и Хвостова, – «та часть тела, на которой сидят», то их творения – это именно испражнения. В «Речи Светланы» 1816 года Жуковский акцентирует эти смыслы: у беседных покойников «...живот... страшно надут еще теми речениями, которые давно уже он из себя извергнул, но которых хвосты еще тянутся из утробы...» [Там же, с. 104-107]. На полях этого высказывания Жуковский дает длинный «перечень» лиц, ассоциативно связанных с данной фразой: Хвостов, Шаховской, Львов...

Бездарный или вышедший из «читательской моды» текст, который теперь представляет собой род «слабительного», – это не оригинальная выдумка арзамасцев, о таком «средстве» знал уже XVIII век: в журнале «Сатирический вестник» за 1790 год приведен рецепт «слабительного для ученых мужей»: «Возьми три листа поэмы “Бовы Королевича”, шесть листов “Ильи Муромца”... Дай сему настояться, потом употребай» [5, с. 108]. Если вышеназванные тексты поэм стали к концу XVIII века «общим местом» для личных библиотек и в их чтении не видели ничего оригинального, то оригинальности хвостовских произведений нельзя было «не восхититься», что и делали Пушкин и его друзья. Так, Дмитрию Ивановичу принадлежит двустийшие, сделавшее его поистине бессмертным: «Ползя, / Упасть нельзя» (Д. И. Хвостов. «Орлица и черепаха») [6, с. 133].

Пушкин не раз с улыбкой отзывался о творениях Хвостова, полагал, что его тексты очень способствуют «украшению» журналов, и, обращаясь к Вяземскому, настаивал: «Пришлите же мне ваш “Телеграф”. Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как Василий Львович...» [12, с. 126]. Однако судьбу книг графомана Александр Сергеевич видел в печальном свете (удачнее, полагал юный поэт, использовать страницы в качестве папилюток: «Чтобы не смять уса лихого, / Ты к ночи одою Хвостова / Его тихонько обвернешь...» – советует автор гусару в философической оде «Усы» [10, с. 697]). Сам же Хвостов был просто одержим желанием славы: он посылал свои стихи Гете, и не счесть знакомых, которым он преподносил сборники собственных стихов [6, с. 28]. Когда в 1831 году до Пушкина дойдет опровержение слуха о смерти Хвостова, когда станет понятно, что тот пережил Дельвига, Александр Сергеевич еще раз утвердится, что только сатирическое острие стиха может исправить положение дел – лишить графомана желаемого поэтического бессмертия. Арзамасцы всегда полагали, что книги беседчиков – это библиотечное кладбище, Пушкин уже в 1820-м году выразился хлестче: «Я же грешную дыру / Не балую детской модой / И Хвостова жесткой одой, / Хоть и морщуся, да тру» [10, с. 111].

Надо отметить, что данное стихотворение не только «приговор» оде Д. И. Хвостова, но и определенная смелость автора, поскольку Жуковский еще в 1818 году на ранних заседаниях «Арзамаса» предупреждал об «опасности» прикосновений к беседным текстам – они своеобразная творческая «чума»:

Даром, что эта «Беседа» давно околела, зараза
Все еще в книжках «Беседы» осталась – и нет карантин!
Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись «Опасным соседом»,
Голой рукой прикоснулся к «Чтеньям» в «Беседе» иль вытер,
Должной не взяв осторожности, свой анфедрон «Рассужденьем»
Деда Седого о слоге седом – я не знаю! А знаю
Только, что мы ошалели, что лень как короста
Нас облепила! Дело не любим! Безделья ж стыдимся! [2, с. 34].

Гибельной для «Арзамаса» видится чрезмерная доверенность уму: «С тех пор как за ум мы взялись, / Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться – / Смех заступила зевота, чума окаянной “Беседы”...» [Там же]. Для поэтов, близких арзамасскому кругу, всегда важны были сюжеты «безумной шалости»: «...ум высокий

можно скрыть / Безумной шалости под легким покрывалом» – скажет юный Пушкин [10, с. 32]; ценны мотивы поэтической лени, почти раблезианского обжорства и ненадуманного освобождения от желудочной тяжести. Именно об этом скажет Светлана члену общества безвестных людей – Вот, лежащему под шубами: «Восстань, друг наш! Гряди к Арзамасу. Путь твой труден... умойся водою потопа – и будешь достоин вкушать за трапезой от арзамасского гуся, и он войдет в святилище желудка твоего без перхоты и изыдет из ононого без натуги...» [2, с. 143]. В этих словах различимы ренессансные легкость и веселье, понимание творчества как виртуозной забавы. Жирный гусь и обилие еды на заседаниях становились символом обилия творческих идей: «Уймись, Арзамас! – возгласила Кассандра, – / Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила? / Тише ль бурчало оно в часы пресыщения, когда им / Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква / Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались? / Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет не даром!» [Там же, с. 224]. Именно этого обилия идей – «жирной пищи» – не будет хватать Пушкину в ссылке, он посетует Вяземскому: «В глуши, измучась жизнью постной...». Как утвердит позднее Пушкин, дружеские пирушки закончатся, но в творчестве останется их главный принцип – «**пир** воображенья» [10, с. 543], с его многоголосьем идей, богатством замыслов и вольно-естественным развитием мысли.

Напротив, в хвостовском послании И. И. Дмитриеву, своеобразном поэтическом манифесте «галиматъи», слышится особая творческая натуга и насилие над природой творчества:

Кто может угодить разборчивости Муз?
Я первый волю их нередко нарушаю
И воду из Кубры в Кастальский ток мешаю;
То изломаю ямб,
То рифму зацеплю,
То ровно пополам стиха не разделю,
То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Муз люблю на лире величать;
Люблю писать стихи и отдавать в печать... [7, с. 73].

Ритмические, смысловые сломы рождали комический эффект, на который и реагировало чуткое ухо поэтов «гармонической школы». Так, известная древнерусской литературе метафора «сакральная книга – пища» в поэтическом и эпистолярном наследии Жуковского, Пушкина и Вяземского трансформируется в изнанку этой метафоры: «бездарная книга – слабительное, вызывающее расстройство желудка». Сакральный текст вечен, в доказательство тому С. Аверинцев приводит историю гибели одного книжника: «Через семь столетий после Иезекииля римские солдаты сжигали заживо одного ближневосточного книжника вместе со святиней его жизни – священным свитком. Его ученики сказали ему: “Что ты видишь?” Он ответил: “Свиток сгорает, но буквы улетают прочь”» [1, с. 194]. Напротив, хвостовский текст не сакрален, поэтически и смыслово абсурден, он вызывает расстройство желудка читателя и становится подтиркой в «парнасском нужнике» или же поэтическим «навозом». Причем в последнем случае ни Вяземский, ни Пушкин не шли против беседной традиции: в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишков приводит цитату из стихотворения А. П. Сумарокова, утверждающего, что повсюду трудолюбивая пчела добудет сладость поэзии: «Трудолюбивая пчела себе берет, / Отсюду то, что ей потребно в сладкий мед, / И посещающа благоуханну розу, / Берет в свои соты частицы и с навозу» [14, с. 75-76]. Тем самым, именуя стихи Хвостова «навозом», поэты пушкинского круга создавали пародийный эффект словоупотребления: беседчикам нельзя было это счесть оскорблением, потому как данная аллюзия отсылала к творчеству авторитетного для них Сумарокова и даже к тексту Шишкова. Последний метафорически называл чужую, французскую поэтическую традицию скудно-песчаной почвой, а отечественную поэтику и славянскую культуру – «плодоносным черноземом» [Там же, с. 77]. Не споря с этим утверждением, арзамасцы своим творчеством доказывали, что «навозные» строки Хвостова и его подражателей – это именно плодородно-приуготовительная почва, на которой, подобно цветам, всходят гармонические стихи.

Список литературы

1. Аверинцев С. Слово и книга // Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004. С. 188-215.
2. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 543 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. 527 с.
5. Блюм А. В. Художественная литература как историко-книжный источник (на материале русской литературы XVIII – перв. пол. XIX века) // Книга: исследования и материалы. М., Наука, 1986. Сб. 52. С. 100-122.
6. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. М.: INTRADA, 1999. 224 с.
7. Избранные сочинения графа Хвостова. М.: Совпадение, 1997. 94 с.
8. Памятники литературы Древней Руси: XII в. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17-ти т. Т. 13. М.: Воскресенье, 1997. 652 с.
10. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. 744 с.
11. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. 688 с.
12. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 9. 462 с.
13. Тодд Ш У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
14. Шишков А. С. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 720 с.

**METAPHOR “BOOK – FOOD” AND ITS TRANSFORMATION IN CREATIVE
AND EPISTOLARY HERITAGE OF A. S. PUSHKIN, P. A. VYAZEMSKII AND V. A. ZHUKOVSKII**

Nadezhda Vladimirovna Prodanik, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Literature and Culturology
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The author considers the fate of the metaphor “book – food” in the lyric and epistolary heritage of Pushkin’s circle poets. Sometimes, identifying the book as the food for the mind and soul, Arzamas society members see in crude in style and absurd in content texts of their opponent D. I. Khvostov, the “underside” of Old Russian metaphor about the book, ironically call his works “laxative” or “manure” and perfect their harmonic style by means of the satires and epigrams devoted to Khvostov’s nonsense.

Key words and phrases: history of literature; works of Pushkin’s circle poets; lyrics of scribbler D. I. Khvostov; metaphor “book – food” in Old Russian literature; fate of metaphor “book – food” in lyric and epistolary heritage of Vyazemskii, Zhukovskii and Pushkin.

УДК 81’373.612

Филологические науки

Статья посвящена обоснованию необходимости когнитивного моделирования семантического устройства диалектной словообразовательной системы, включающей именную (субстантивную) и глагольную подсистемы. Решаются вопросы словообразовательной категоризации внеязыковой действительности, моделирования языковой картины мира диалектоносителей.

Ключевые слова и фразы: словообразовательная система; словообразовательный тип; словообразовательная синонимия; макро- и микромоделирование; пропозиционально-фреймовое моделирование; диалекты; сознание диалектоносителей; культура.

Анастасия Викторовна Проскурина, к. филол. н.

Кафедра стилистики и риторики

Кемеровский государственный университет

proscurina@yandex.ru

**КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)[©]**

На современном этапе развития научной мысли отечественная и зарубежная лингвистика выходит за пределы внутрисистемного описания языковых факторов: переосмысляются не только основные языковые категории и процессы, но и методы их исследования. Структурное описание языка сменяется его когнитивно-ориентированным объяснением, предполагающим новые подходы к анализу словообразовательных единиц. Особую значимость приобретает метод когнитивного моделирования единиц деривации (как простых, так и комплексных), в совокупности организующих словообразовательную систему русского языка. Применение данного метода базируется на пропозиционально-фреймовом подходе к анализу деривационной семантики. Усилия лингвистов и учёных-дериватологов [1–15] прежде всего направлены на выявление особенностей и описание с когнитивных позиций именного словообразования. Объектом их пристального внимания выступает производная субстантивная лексика, структура именных словообразовательных типов, словообразовательных гнезд и словообразовательных ниш, явления полимотивации, полисемии и синонимии на словообразовательном уровне. Анализ работ указанных авторов свидетельствует о сложившейся устойчивой традиции описания производной субстантивной лексики как на материале литературного языка, так и на материале русских народных говоров. Именно словообразование, как замечает Т. И. Вендина, «позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного предмета действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [5, с. 9]. Однако малоизученным остаётся вопрос о связи словообразовательных процессов и явлений с формированием языковой картины мира, в том числе сквозь призму диалектного именного словообразования. В то же время глагольное диалектное словообразование оказывается вне поля зрения исследователей, находясь на периферии дериватологических изысканий. Причины этого, на наш взгляд, видятся в том, что до сих пор когнитивные методы анализа разрабатываются применительно лишь к какому-либо одному объедине-